
Нарушения в развитии личности радикального либерала в раннем возрасте

Понимание природы, происхождения и соотношения любви и ненависти — это, бесспорно, ключ не только к интерпретации проявлений психопатии и особенностей индивидуального характера, но и к пониманию культуры.

Иэн Сатти

Нарушенное мировоззрение радикального либерала

Какие же конкретные психодинамические факторы побуждают радикал-либерала создавать мир, который ограничивает свободу выбора, отрицает самостоятельность и личный суверенитет человека, поощряет массовую зависимость и разрушает основы свободы? Если он так поглощен темой страданий, нужды и прочими проблемами такого характера, то почему бы ему не создать добровольные благотворительные организации для этих целей и не призвать людей почаще заниматься благотворительностью? Почему он стремится к тому, чтобы государство, которому доступны и жесткие методы, решало с их помощью эти задачи за него? Почему бы к тому же не попытаться снизить потребность в помощи путем создания частных фондов, целью которых является содействие самообеспечению, а также облегчение

жизнедеятельности немощных граждан? Ответы на эти и связанные с ними вопросы требуют тщательного разбора мотивов, которыми руководствуется либеральное сознание. В следующих разделах мы проанализируем мотивы радикальных либералов с уже знакомой нам точки зрения теории Э. Эриксона, дополнив ее современными взглядами на психологию индивидуации и нарциссизма.

Базовое доверие

Процессы развития, описанные в предыдущих главах, послужат нам основой для анализа нарушений, которыми страдает сознание радикальных либералов. Мы начнем наш разбор с самого раннего сбой в развитии личности: базового недоверия к взаимоотношениям людей, действующих по взаимному согласию. Проще говоря, современный либерал не способен поверить в то, что люди могут обеспечить себе хорошую жизнь благодаря индивидуальной инициативе и добровольному сотрудничеству. Он считает, что обычные граждане не могут успешно взаимодействовать друг с другом без масштабного регулирования со стороны властей. Даже если *кажется*, что члены сообщества довольны друг другом, занимаясь делами по взаимному согласию, радикальный либерал твердо уверен, что все это, в общем-то, большая иллюзия. Он убежден, что за фасадом удовлетворенности скрываются нужда, страдания и эксплуатация. Более того, он знает, что эти муки нельзя прекратить или предотвратить ни доброй волей, ни запретами совести, ни соблюдением законов, основанных на правах собственности. Он твердо знает, что людям просто нельзя доверять распоряжаться собственной жизнью — они ведь не понимают, *что* для них действительно подходит; они не знают, как поступить ради по-настоящему благих целей; у них нет *желания* делать то, что для них было бы действительно правильным. Исходя из убеждения в некомпетентности людей, современный либерал верит, что кто-нибудь, очевидно, должен руководить их делами. Современное государство-родитель с ядром, куда входят высококлассные лидеры-родители, — вот что необходимо для решения любой проблемы. Руководствуясь либеральными

идеями, эти мудрые и заботливые лидеры будут информировать граждан о том, что для них действительно хорошо, и указывать им, как нужно строить свою жизнь. А поскольку очень многих людей приходится заставлять делать то, что будет им во благо, новые лидеры готовы применять любую необходимую для этого силу. Таким образом, мир можно сделать достаточно безопасным, чтобы радикальный либерал мог ему доверять.

Эти представления о человеческих взаимоотношениях, особенно осторожно-боязливое недоверие нашего радикального либерала к согласованному взаимодействию между людьми, являются проекцией дефектов развития его личности на современный мир экономических, социальных и политических событий. Эти нарушения болезненны сами по себе, поскольку являются отголосками травм, которые он пережил в детстве. Когда человек проецирует боль на внешний мир, а не тихо переживает в глубине души, это в некоторой степени уменьшает страдания: так ему кажется, что проблемы, которые его мучают, существуют вне его. Да только его радикальная позиция по поводу того, как должны жить люди, по-прежнему причиняет ему боль; в ней отражается его собственный мир, где потери и равнодушие окружающих, осознание, что им пользуются, жизнь в роли жертвы или постепенная виктимизация. И мысли об этом лишь усиливают его отношение к миру как к вселенной страданий. Его переполняет потребность создать новый мир, где не было бы никакой несправедливости, а люди смогли бы в нем жить так, как им удобно.

Детали базового недоверия

В чем и где бы ни наблюдались проблемные ситуации, современный либерал обязательно будет недоволен. Его непрерывно изводят собственные бессознательные убеждения и эмоции, порожденные нарушениями в его развитии. Ими и можно объяснить, почему он многое видит исключительно в черном цвете. Например, двое людей *выглядят* довольными, и кажется, что они спокойно бок о бок занимаются делами, сумев обо всем договориться; но он считает их *несчастливыми*, ведь явно один втихаря

использует другого, а второй бедствует, и вообще им есть о чем волноваться. Его представления об их невзгодах являются проекциями его собственных переживаний. В глубине души радикальный либерал понимает, что когда он сам был ребенком, то

- ★ его не замечали, лишали того, в чем он нуждался, и обижали именно те, от кого он полностью зависел;
- ★ те, кто растил его, были с ним жестоки;
- ★ он страдал от непонятных, но очень болезненных разлук и потерь;
- ★ он никогда не получал достаточно любви и внимания от тех, кто его воспитывал;
- ★ других любили больше, с ними чаще общались;
- ★ люди, которые начали было заботиться о нем, вдруг отказались от него, бросили;
- ★ его родители (опекуны, воспитатели) его подавляли, чрезмерно контролировали и эксплуатировали;
- ★ ему много раз приходилось разочаровываться в людях;
- ★ взрослые, от которых он тогда зависел, стыдили и унижали его, заставляя чувствовать себя во всем виноватым, неполноценным;
- ★ ни он, ни те люди не могли рядом жить счастливо;
- ★ атмосфера вокруг была наполнена неразрешимыми конфликтами.

И зная об этих детских ранах не понаслышке, радикальный либерал:

- ★ испытывает тоску, неприкаянность, пустоту, злость, зависть и ревность;
- ★ порой ощущает себя неадекватным, ущербным неудачником;
- ★ терзается сомнениями в том, что его и правда любят, понимают;

- ★ испытывает затаенное негодование, горечь и злобу;
- ★ чувствует в себе нотки пессимизма и цинизма;
- ★ ощущает подавленность и безысходность;
- ★ с тревогой сомневается в том, хороши ли его взаимоотношения с окружающими;
- ★ абсолютно не уверен в том, способен ли он сотрудничать с другими;
- ★ не может успокоиться и утешить себя, не пускаясь в обвинения других;
- ★ считает, кто-то ему что-то должен;
- ★ чувствует, что никогда не сможет добиться своего без манипуляций или давления.

Мы увидим чуть позже, что многие из этих болезненных состояний ума являются результатом нарушений, возникающих на более поздних стадиях развития, а не только на стадии базового доверия. Однако, по сути, недоверие либерального сознания к свободе и взаимоподдержке начинается с его убежденности в том, что ни ему, ни его окружению не удастся организовать себе нормальное сосуществование, опираясь лишь на добровольное взаимодействие. За всем, что они делают, обязательно должны присматривать власти. Бессознательная фантазия, стоящая за этим убеждением, заключается в том, что современное государство-опекун поможет как ему, так и его окружению наконец-то одержать верх над болью детских травм. И за то, что когда-то к ним не желали относиться по-человечески, проявляя лишь жестокость, черствость и скупость, эти бывшие дети теперь получают справедливую компенсацию.

Разрушение базового доверия

Как уже отмечалось в предыдущих обсуждениях, основы базового доверия закладываются в первый год жизни, если ребенок воспитывается в благоприятной, здоровой обстановке, а его мать обладает адекватным характером и темпераментом. Эти основы

спокойно формируются и дальше, когда мать находится в нормальном физическом и психическом состоянии, позволяющем заботиться о беспомощном малыше; когда им удастся достичь эмоциональной гармонии, которая укрепляет их связь; когда мать способна сопереживать физическим и психическим страданиям своего малыша и когда она хочет и умеет защитить и утешить его, не допуская, чтобы он получил душевную рану. Базовое доверие развивается и тогда, когда способность матери относиться к ребенку с любовью и заботой не ослаблена болезнями или собственными травмами, неуправляемыми психическими расстройствами или дезорганизующими последствиями злоупотребления психоактивными веществами, а также страданиями в браке или хаотичными экономическими, социальными и политическими условиями.

Когда в этой паре «мама — малыш» все идет достаточно хорошо, то устойчивое спокойствие ребенка по поводу того, что его услышат, ему помогут, его утешат и будут оберегать, вселяет в него уверенность, что в его мире все стабильно и благополучно. А поскольку эмоции, которые он испытывает при общении с матерью, как правило, положительные, он с нетерпением ждет их и, таким образом, «добровольно соглашается» на это взаимодействие. Связь, возникающая из его инстинктивной склонности привязываться к матери, укрепляется благодаря тому приятному настрою, который возникает у них обоих от контакта.

Таким образом, эмоционально позитивное взаимодействие младенца с матерью вводит его в мир отношений, которые с уверенностью можно считать безопасными, приятными, взаимно полезными и на которые «согласны» обе стороны. Когда отношения с матерью и другими людьми в период становления личности маленького человека складываются достаточно удачно, то, что раньше было лишь потенциальной возможностью беспроблемного исхода, постепенно становится реальностью. И этот опыт, если он повторяется часто и достаточно долго, переходит в желанную норму. Изначально позитивные отношения такого типа, возникающие на заре жизни ребенка, закладывают основу для его последующего взаимопонимания с другими людьми.

А еще — базу для зарождения самостоятельности на втором и третьем годах жизни.

С другой стороны, в паре «мама — малыш», которой не удастся столь же гармонично пройти этот ранний этап, все идет иначе. Различные формы безразличия или жестокого обращения в первые пятнадцать месяцев жизни подрывают базовое доверие. Наиболее очевидными являются фактическое физическое пренебрежение и жестокость по отношению к ребенку, крики и гнев, демонстрация отвращения и ненависти. Помимо этого, приписывание ему ложных мотивов и черт характера, постоянные упреки, ругань и насмешки, повторяющиеся угрозы причинить вред, неспособность увлечь его и наладить с ним отношения, отсутствие ласки и других физических контактов, препятствование его первым шагам к самостоятельности — все это тоже подрывает основы здорового развития личности ребенка в первые годы его жизни.

В какой бы форме они ни проявлялись, ранние серьезные нарушения в уходе за малышом, скорее всего, привьют ему устойчивую установку, что тревога, разочарование и беспомощность — это нормальные состояния; достичь полной безопасности и удовлетворения практически невозможно, даже если очень хотелось бы. Дефициты такого рода предрасполагают ко все более глубокому убеждению, что принцип добровольного сотрудничества работать не может, а скорее всего, его и вовсе не существует.

Столкнувшись с постоянным разочарованием и дезорганизующим воздействием ранних потрясений, младенец прибегает к единственному методу, что есть в его арсенале, чтобы хоть как-то восстановить равновесие. Он кричит и выходит из себя в надежде, что появится мама и успокоит его. Неистовый плач маленького ребенка выражает его страх и гнев на мир, который не может или не хочет услышать и понять, что ему сейчас жизненно необходимо. Если такая ситуация сохраняется в течение первого года и распространяется на второй, то базовое *недоверие* к ценности и благу жизни становится условной реакцией ребенка. При сильном и длительном переживании такой опыт в конечном

итоге приводит к тому, что ребенок начинает прибегать к силе или манипуляциям, чтобы получить то, чего, по его мнению, он не добьется другими способами.

Цинизм в мышлении радикального либерала

Скептическое отношение радикального либерала к жизни, основанное на его раннем дефиците доверия, чаще всего очень глубоко укореняется и даже приобретает флер цинизма. Это окончательно подрывает его способность надеяться, в результате чего его взгляд на жизнь становится по меньшей мере пессимистичным, а зачастую и по-настоящему депрессивным. И в самом деле, радикальный либерал не испытывает никакого оптимизма в отношении себя и мира: ему не хватает стойкой уверенности в своих и чужих способностях справляться с жизненными проблемами, достигать безопасности и чувствовать себя довольным в рамках индивидуальной свободы. Он не только не верит в то, что кто-то захочет иметь с ним дело на пользу им обоим, но и твердо убежден, что его отвергнут, будут презирать, его захотят обвести вокруг пальца и всеми силами попытаются использовать в своих интересах. Радикальный либерал считает, что избавиться от этого основного факта человеческого существования он сможет, лишь получив власть над другими. Ему необходимо заставить других удовлетворять его потребности, иначе он так и останется ни с чем, а все вокруг будут с радостью потирать руки. Если ранняя детская травма была особенно тяжелой, его убежденность в том, что люди обманывают его, грабят и хотят ему зла, взлетает до уровня паранойи. И тогда он внушает себе, что страдания, причиняющие ему столько боли, специально организованы теми, кто жаждет поглумиться над ним и нажать на нем. Воистину, либерал искренне верит, что другие люди сговорились причинить ему вред и отправить его на самое дно. Во взрослой жизни такая прогрессирующая паранойя находит свое воплощение в политике виктимизации.

Все это и многое другое радикальный либерал будет, разумеется, категорически отрицать, защищаясь от своих недостатков путем

проецирования их на внешний мир. Он не осознает, что неверно интерпретирует настоящее, основываясь на восприятии из прошлого. И он не понимает, что весь его цинизм проистекает из тех самых травм раннего детства. Вместо этого он будет настаивать на том, что в свободном обществе, где царит закон, он и многие другие, подобные ему, будут никому не нужны, отвергнуты обществом, чему лицемеры, использующие свободу для эксплуатации своих жертв, будут только рады. Ему неясно, что, проецируя на окружающий мир свое недоверие, он искажает реальность человеческих отношений. Однако это отрицание не выдержит проверки. Невроз радикального либерала проявляется в его искаженных представлениях о человеческой природе и человеческих взаимоотношениях. Он проявляется в том, к чему наш либерал стремится и чего безумно боится; в том, что он восхваляет и проклинает; в том, что вызывает у него сочувствие и жалость; в том, что вызывает у него ярость и возмущение. Невроз проявляется и в ценностях, которые он превозносит, и в тех вещах, что он презирует; в политике, которую он продвигает, и в принципах, против которых выступает; в обязанностях, которые он отвергает, и в обязательствах, от которых он уклоняется; в том, что вызывает у него зависть и ревность; в том, что его возбуждает и успокаивает; в том, что его унижает и заставляет гордиться. Подтверждением его невроза являются его идеалы и фантазии; его самодовольство, высокомерие и тяга к грандиозности; жалость к самому себе; требование во всем ему потакать и уход от ответственности; претензии на привилегии; то, что он дает и от чего отказывается; убеждение, что сделанное добровольно не принесет ему облегчения.

И ярче всего невроз радикального либерала проявляется в его экстравагантных политических требованиях, в его яростных протестах против экономической свободы, в его высокомерном презрении к морали, в его гневном поприании цивилизованности, в его яростных напаках на свободу добровольных объединений, в его агрессивном наступлении на свободу личности. И в конечном счете иррациональность радикального либерала наиболее полно проявляется в его безжалостном применении силы для

контроля над жизнью других людей. Как мы увидим чуть позже, одержимость радикального либерала демонстрацией власти в отношении других — его инфантильный путь решения проблем собственного развития, наметившихся в первые шесть лет его жизни.

Проекции, свойственные разуму радикал-либералов

Радикальному либералу действительно тяжело признавать, что причины его тревоги, страхов и недоверия лежат в его собственном искаженном восприятии мира, и потому он приходит к выводу, что его мучения, должно быть, вызваны ситуацией во внешнем мире. Его невроз буквально бьет в набат: он сам и его собратья по несчастью терпят лишения, до их бед никому нет дела, их угнетают современные тираны и созданные ими учреждения. Но за всем этим шумом теряется важнейший момент: озвученные установки — наследие травмы, полученной от родителей либо опекунов, наставников в те далекие времена, когда наш либерал был мал и беспомощен. И вот он решает: чтобы исправить сегодняшнюю несправедливость и помочь таким же, как он, жить хорошо, он должен свергнуть угнетателей, причиняющих ему столько боли, и уничтожить организации, которые их поддерживают. Он приходит к убеждению, что нужно собрать новое правительство, в основе которого находились бы учреждения, гарантирующие людям поддержку и помощь, которыми управляли бы равнодушные руководители. Он верит, что эти новые руководители и учреждения возьмут на себя хлопоты по обеспечению его и прочих несчастных всемирнонеобходимым. Словно любящие родители! Развивая эту идею, он проникается верой в то, что современное государство-родитель не только даст ему все что нужно, но и отберет все излишки у тех, кто обогатился незаконным путем, а затем передаст все изъятое в пользу него самого и других нуждающихся. Новое государство удовлетворит его социальные претензии и накажет его политических врагов, перестроит идеалы общества, сделав его более заботливым, перестроит его этику на коллективист-

ский лад и ослабит общественные запреты, чтобы сделать жизнь более приятной.

Недостатки этого плана фатальны для любого рационального общественного устройства. «Учреждения», которые радикальный либерал хотел бы низвергнуть, как раз и защищают регулируемую свободу. В частности, это те институты, которые не позволяют ему распоряжаться жизнью других людей и забирать у них то, что ему вздумается, без их согласия. Радикальный либерал отменил бы правила, защищающие право на самопринадлежность и право собственности и не позволяющие гражданину попасть в кабалу к коллективистским программам. Радикальный либерал вмешался бы и в договорное право, а также пересмотрел бы законы о равной защите во имя социальной справедливости. Радикальный либерал поощрял бы судебные тяжбы с помощью законов, которые создают впечатление несправедливости там, где ее нет. Радикальный либерал создал бы общество взрослых детей, не способных самостоятельно управлять своей жизнью, зависящих от государственных программ социального обеспечения и покорных правящей элите. Эти и другие сомнительные тезисы, сопровождающие цели радикального либерализма, обрекают их программу на провал в суровых реалиях человеческого существования.

Конечно, тем, кто чувствует себя вправе получать все, что хочется, порядки, структурирующие регулируемую свободу, кажутся нечестными, да что там говорить, безжалостными. На самом же деле в его подсознании люди и институты, которые теперь его в чем-то ограничивают, представляют собой жестоких родителей и семью, которые то игнорировали, то всячески оскорбляли его в прошлом. Ну а злые силы текущего момента мешают ему получить то, что ему нужно здесь и сейчас, точно так же, как это было в детстве, много лет назад. На подсознательном уровне он особенно остро чувствует недостаток любви, внимания, привязанности и сочувствия, в которых он всегда нуждался, чтобы быть в безопасности, доверять себе и окружающему миру и все-таки надеяться на то, что добровольное сотрудничество может оказаться полезной штукой. Сквозь призму своих инфантильных

переносов он видит институты индивидуальной свободы какими-то эгоистичными, жестокими, жестко контролирующими и даже садистскими органами. На самом деле ему больше всего угрожает сам дух свободы: безразличие именно к нему граждан, ощущающих себя полностью самодостаточными, которые проживают свою жизнь, не выстраивая ее вокруг его интересов и желаний. Эта их отстраненность глубоко оскорбительна для его чувства собственной значимости. Свобода других людей жить вне его системы ценностей и потребностей напоминает этому человеку о его детских горестях, когда он зависел от своих равнодушных родителей: каким же ничтожным, неполноценным, лишним и даже несуществующим он себя тогда ощущал! И если его невроз достаточно серьезен, радикальный либерал воспринимает неприятие других не просто как безразличие, а как активное преследование, противопоставление его себе, и все с одной лишь целью — сделать ему еще больнее.